

Независимо от того, хорош этот фарфор или плох, в качестве главного лота аукциона он требовал подобного внимания. Если бы цена не превысила стоимость предыдущих изделий, это ударило бы по престижу дома Чжоу. И вот, топ-менеджеры и богатые купцы, ответственные за ставки и оплату, принялись наперебой выкрикивать цифры!

Один из иногородних богачей по фамилии Чжан, перебив остальных участников, предложил сумму, превышающую десять миллионов. Распорядитель ударил молотком:

— Семнадцать миллионов раз! Семнадцать миллионов два! Семнадцать миллио... Господин! Вы хотите предложить цену выше?

Поднялся Фэн Ао.

В руках у него не было аукционной таблички. Он стоял посреди зала, и прожектор неотступно следовал за ним. Взоры окружающих — полные любопытства или недоумения — не произвели на него ни малейшего впечатления. Лишь когда ведущий снова спросил, намерен ли он делать ставку, Фэн Ао отвел взгляд от фарфорового сосуда и покачал головой.

Распорядитель бросил осторожный взгляд на Чжоу-третьего и продолжил:

— Семнадцать миллионов три... Господин, если вы не делаете ставку, пожалуйста, не нарушайте порядок проведения аукциона.

Фэн Ао снова поднял руку, прерывая его, и тон распорядителя стал раздраженным. Человек, которому отвели место в седьмом ряду, никак не мог быть главным героем этого вечера, да и вряд ли обладал нужными средствами. Кому понравится, когда его постоянно перебивают?

У Чжоу-третьего тоже испортилось настроение. Глядя на Фэн Ао, он испытывал скорее досаду, чем любопытство. Однако правила приличия не позволяли ему поставить гостя в неловкое положение, поэтому он натянуто улыбнулся:

— Неужели мэр Чжэн тоже заинтересовался фарфором дома Чжоу?

Фэн Ао ответил:

— Руководствуясь чувством справедливости, я просто хотел сообщить всем присутствующим, что реальная стоимость этого изделия гораздо выше семнадцати миллионов.

Чжоу-третий был крайне удивлен. Эта цена уже в десятки раз превышала ту, за которую он сам приобрел вещь, да и эксперты сошлись именно на этой стартовой планке. При таком раскладе он никак не мог остаться в убытке. Видя, что Фэн Ао говорит серьезно и без тени притворства, он спросил:

— Мэр Чжэн тоже разбирается в фарфоре?

Фэн Ао покинул свое место и направился к выставочному стенду:

— Немного смыслю.

Услышав это, Чжэн Ютин, который до этого лишь мельком взглянул на него, опустил глаза, скрывая недоумение. Разве он мог не знать, что за человек его отец? Даже если за те годы, что они не виделись, он в чем-то преуспел, это не давало ему права позориться перед экспертами! Выставлять себя на посмеище — похоже, за годы скитаний отец стал совсем невыносим.

Лишь когда зал ахнул от изумления, Чжэн Ютин поднял голову. Увидев происходящее, он и сам застыл в шоке.

Фэн Ао поднялся на сцену и некоторое время молча смотрел на вращающийся фарфоровый сосуд. Затем он взял две бутылки минеральной воды, которые прихватил с первого ряда, открутил крышки и, прежде чем распорядитель успел среагировать, вылил воду внутрь.

— Что вы делаете...

В этот миг произошло чудо!

Вода растеклась по дну сосуда, озарившись мягким сиянием. Как только уровень жидкости поднялся на полпальца, нарисованные на дне синие рыбки внезапно обрели жизнь! Синий цвет отступил, сменившись золотисто-красным. И это было не всё: плавники трех рыбок шевельнулись, и, словно по мановению волшебной палочки, они ожили!

Да, все присутствующие видели, как рыбки исчезли со дна, всплыли и принялись плавать в воде.

...Это было невероятно!

После непродолжительной тишины зал взорвался гулом голосов и возгласами восхищения. Чжоу-третий не выдержал: он бросился на сцену, схватил сосуд, вертел его в руках, внимательно ощупывал, а затем опустил руку в воду. Разумеется, он не нащупал там настоящих рыб, что заставило его вздохнуть с облегчением, смешанным с разочарованием.

От прикосновения его пальцев золотые рыбки рассыпались, превращаясь в тонкие струйки тушевой краски. Но стоило ему убрать руку, как цветные нити снова сплетались в живую, трепещущую рыбку.

— Э-это... как такое возможно? — он ведь купил эту вещь за бесценок, просто отобрал из того, что осталось после поисков подарков для старого главы дома. Кто бы мог подумать, что этот предмет окажется настолько ценным и магическим!

Фэн Ао подтвердил свою догадку: это действительно был тот самый сосуд, который когда-то нашел для него Цзы Сюань. Спустя тысячи лет он вновь предстал перед миром. По иронии судьбы, он сам — человек, который точно так же прошел сквозь тысячелетия, перенесся из

династии, давно стертой со страниц истории, в эту эпоху — стоял на той же земле, что принадлежала прошлому и принадлежит настоящему.

Фэн Ао смотрел на фарфоровую чашу с рыбками без малейшей привязанности.

Даже если этот предмет, на который он раньше не обращал внимания, драматически подтвердил реальность той эпохи, где он жил, вернуться туда было невозможно. Да он и не стремился.

На вопрос Чжоу-третьего Фэн Ао ответил небрежно:

— Я когда-то читал об этом в записях, но не думал, что это правда. Просто совпадение.

Чжоу-третий нетерпеливо спросил:

— Где вы это видели? Не могли бы вы мне подсказать?

Для старого главы дома Чжоу эта книга была бы куда интереснее, чем сам фарфор. Но Фэн Ао сказал, что не помнит деталей тех давних событий. Чжоу-третий не привык отступать, но, встретившись с холодным взглядом Фэн Ао, почему-то не смог продолжить расспросы.

В итоге фарфор так и не был продан. Чжоу-третий решил забрать эту диковинку домой. Все присутствующие прекрасно понимали, что к чему, и принялись льстить, заявляя, что такая ценность бесценна и им не по карману, тем самым потакая желанию Чжоу-третьего.

Глядя на фанатичный блеск в глазах членов семьи Чжоу, окружающие могли лишь гадать, какие перспективы открылись перед этим малоизвестным Фэн Ао!

Как и ожидалось, на следующий день Фэн Ао получил приглашение от дома Чжоу. Письмо было написано рукой самого старого главы. Влиятельные люди Фэнши тут же изменили свое отношение: одни приносили ему в кабинет дорогой чай, другие искали повод проявить заботу, якобы помогая освоиться в городе. Разница в поведении была разительной.

Ли Хуэй слышал лишь слухи о том, что произошло на аукционе, и не верил в небылицы, ведь он прекрасно знал, что Чжэн Цзиньфэн не был знатоком древностей. Но это не мешало ему ликовать!

Пока секретарь У готовил подарки для визита в дом Чжоу, Ли Хуэй воспользовался моментом, чтобы прочитать Фэн Ао нотацию. Суть сводилась к тому, что нужно ухватиться за этот шанс обеими руками, быть вежливым и никого не обидеть — ведь это не просто мэр, а куда более серьезные люди.

Фэн Ао считал себя человеком сложным в общении, но этот простодушный помощник каждый раз мастерски игнорировал его ледяной тон и продолжал гнуть свою линию. Фэн Ао подумал: если он так же ведет себя со всеми хозяевами, то неудивительно, что его в прошлый раз

выгнали.

Но Фэн Ао ошибался.

Раньше, работая на других, Ли Хуэй был молчалив, старателен и не умел угадывать мысли начальников. Теперь же ситуация изменилась до неузнаваемости. Служба у Фэн Ао стала его главной жизненной ставкой, он поставил на кон всё свое будущее, поэтому нервничал гораздо больше, чем сам Фэн Ао.

Сам того не осознавая, Ли Хуэй загорелся амбициями. Его уверенность и мужество подпитывались этим странным хозяином, которого он до конца не понимал.

И все же он был уверен: Фэн Ао ждет великое будущее.

Интуиция — вот и всё объяснение.

Фэн Ао прибыл в дом Чжоу вовремя. Помимо старого главы и Чжоу-третьего, там был Чжэн Ютин. Фэн Ао не удивился: он никогда не сомневался в способностях Чжэн Ютина. Какими бы ни были его цели, он явно сумел завоевать доверие старика.

Увидев его, старый глава Чжоу поднялся:

— Старик был слеп, не заметив, что мэр Чжэн столь образован. Прошу прощения за прошлую холодность, прошу, садитесь.

Это звучало как жест великого уважения к таланту.

Фэн Ао слабо улыбнулся:

— Вы мне льстите.

Он сел, не утруждая себя даже дежурными любезностями. Его поведение не было ни подобострастным, ни грубым, что заставило старого главу заужавать его еще больше.

— Молодой человек, у вас редкая выдержка, — сказал он, распорядившись подать чай. — Такая скромность подобает лишь тем, кто вырос в столице. Куда там моим детям, которые дальше собственного носа ничего не видели.

На лице старого главы играла благожелательная улыбка, но за ней скрывались мысли, которые никто не мог прочесть. Чжэн Ютин, уловивший в его тоне скрытую угрозу, перевел взгляд со старика на Фэн Ао.

Глава Чжоу относился к Фэн Ао с большой настороженностью — это Чжэн Ютин понял сразу. Как человек из столицы мог появиться в доме Чжоу в такой деликатный момент, не вызвав подозрений? Он не знал, что задумал отец, но был уверен: у того не хватит ума угрожать дому Чжоу. Если он и затеял какую-то игру, то это было верхом самонадеянности.

Но какова бы ни была его цель, если он помешает его собственным планам...

При этой мысли взгляд Чжэн Ютина стал еще холоднее.

Тем временем подали чай. Фэн Ао всегда предпочитал вино и в чае не разбирался, поэтому, лишь мельком взглянув на изумрудную жидкость, ответил:

— В столице миллионы нищих, а я всего лишь обычный человек, который плывет по течению. Недостоин я ваших похвал, глава.

Это было крайне невежливо, но старый глава лишь рассмеялся, заметив, что такой характер напоминает ему свободолюбивых мудрецов эпохи Цзинь.

Они беседовали, и старый глава снова завел разговор о происхождении фарфора. Фэн Ао не стал менять легенду: случайно увидел, давно это было, не припомнить. Глава Чжоу был заинтригован, но не стал давить. В его глазах этот человек, который по прибытии в Фэнши вел себя тихо, но при этом держал в напряжении и мэрию, и горком, был крайне непрост.

Разговор перешел на другие темы. Фэн Ао проявил глубокие познания, и они нашли общий язык. Глядя на то, как старик улыбается, Чжоу-третий почувствовал неприятный укол ревности.

Воспользовавшись паузой, чтобы сменить чай, Чжоу-третий вставил:

— Я с детства учился этому делу и считал себя знатоком. Но сегодня, глядя на мэра Чжэна, понял, как я поверхностен. Не из семьи ли вы ученых? Если буду в столице, почту за честь нанести визит.

Фэн Ао, не поднимая головы, отпил чай:

— Мои родители рано умерли, были обычными рабочими. Никакой знатности в роду. Мне лишь посчастливилось взять в жены хорошую женщину, и я многим обязан ее семье.

— О? Не подскажете, из какой семьи ваша супруга? Мы в доме Чжоу ведем небольшие дела, может, слышали о них? — не унимался Чжоу-третий.

Фэн Ао поднял глаза и посмотрел на него с полуулыбкой:

— Он тоже недавно скончался, а его единственная дочь — моя жена — уехала за границу.

В его словах чувствовалась недосказанность. Чжэн Ютин был озадачен: он видел, что отец намеренно скрывает свое происхождение из столичного рода Чжэн, но не понимал зачем.

Чжоу-третий выдавил из себя смешок. Снова повторилась та же история, что и на аукционе: стоило Фэн Ао посмотреть на него, как он чувствовал незримое давление, из-за которого язык

не поворачивался задать следующий вопрос.

Старый глава наблюдал за ними и обменялся взглядом с Чжэн Ютином. Заметив сомнение в глазах последнего, он решил, что тот разделяет его подозрения, и стал еще больше опасаться Фэн Ао.

Беседа вернулась к ученым спорам. Они цитировали классиков, но по существу не говорили ни слова — оба были мастерами уходить от ответов. В конце концов старый глава, поняв, что ничего не добьется, решил закончить разговор.

Когда старик начал проявлять признаки усталости, Фэн Ао поднялся, чтобы попрощаться. Старый глава был явно доволен беседой:

— Приходите еще, когда будет время. Давненько я не встречал собеседника, с которым так приятно поговорить.

Фэн Ао кивнул:

— В следующий раз готовьте хорошее вино, глава. В чае я не смыслю, только порчу его.

— Ха-ха, хорошо! Цзиньфэн, ты прямолинеен, мне это нравится. В следующий раз обязательно будет вино.

После этого разговора обращение сменилось с официального мэр Чжэн на дружеское Цзиньфэн. На прощание старый глава позвал Чжэн Ютина:

— Ютин, проводи Цзиньфэна.

Они шли молча. Как только они отошли от дома Чжоу и оказались вне зоны видимости камер, Чжэн Ютин понизил голос:

— Не впутывайся в дела дома Чжоу. Это мое последнее предупреждение.

Фэн Ао, глядя на машину и секретаря У, ответил, почти не разжимая губ:

— А я не прочь снова преподать тебе урок хороших манер в общении со старшими.

Увидев холодный гнев в черных глазах Чжэн Ютина, Фэн Ао приподнял бровь:

— Что ты будешь делать — твое дело. Но не смей лезть в мои.

Секретарь У уже подошел, и разговор прервался.

Как только они сели в машину, секретарь поздравил его:

— Мэр Чжэн, вы невероятно талантливы! Мало кого старый глава Чжоу приглашает лично.

Фэн Ао не считал, что это повод для поздравлений.

Прожив столько лет, он прекрасно отличал искреннее желание дружить от фальшивой разведки.

Человеческую натуру Фэн Ао видел насквозь давным-давно. Даже его собственный учитель, человек с душой истинного мудреца, по сравнению с которым манеры главы Чжоу казались лишь внешней оболочкой, способен был на предательство, вынудившее Фэн Ао сбежать и встать на путь злодея, о котором он сам никогда не помышлял. Что уж говорить об остальных?

После того как тебя предали, подставили и бросили самые близкие, разве можно смотреть на мир иначе?

Эти люди не имели к нему никакого отношения, их связывали лишь интересы. Взаимные интриги — вот и вся их «симпатия» и «родство душ».

Люди склонны судить других по себе. Все решили, что действия Фэн Ао на аукционе были тщательно спланированы. Они не допускали мысли, что он просто хотел подтвердить свои сомнения. Какой-то там дом Чжоу для Фэн Ао не значил ровным счетом ничего.

Они не могли себе представить, что Фэн Ао всегда стоял вне их круга. Они пытались сделать его своей пешкой, но он никогда не позволит никому управлять собой.

Когда Фэн Ао ушел, первым делом старый глава Чжоу приказал Чжоу-третьему разузнать всё о его прошлом.

Он долго сидел в кабинете, машинально крутя кольцо на безымянном пальце, пока не вошел Чжэн Ютин.

— Ютин, что ты думаешь? — спросил старик.

Чжэн Ютин не ответил сразу:

— Господин Чжоу, я не понимаю.

Старик рассмеялся:

— Да, если даже такой умный человек, как ты, не понимает, то как же третьему с ним тягаться... — его голос стал тихим, а в глазах промелькнула та самая холодная жестокость, за которую его боялись во всем городе.

Где же был тот благостный старец, о котором говорили в Фэнши?

Спустя долгое время старый глава снова посмотрел на Чжэн Ютина, и холод в его глазах исчез:

— Не беспокойся, я уже поручил третьему всё выяснить. Какими бы ни были его цели, вряд ли он связан с *той* стороной.

Чжэн Ютин холодно ответил:

— Это не повод расслабляться, господин Чжоу.

Старик искренне улыбнулся, похлопал его по плечу и похвалил:

— Хорошо! Не зря старик Су выбрал тебя своим преемником! Именно за эту рассудительность я и доверяю тебе дела.

Он замолчал, а Чжэн Ютин молча ждал продолжения.

— Ютин, передай Чжоу-первому и Чжоу-второму, чтобы были осторожны. Времена сейчас беспокойные.

Чжэн Ютин кивнул. Он знал, что эти двое вряд ли послушаются, но это была лишь часть воспитания, которое старик устраивал своим сыновьям.

На выходе старик неожиданно добавил:

— Ютин, Сяо Нин еще мала и не всё понимает, будь к ней снисходителен. Она единственная моя внучка, и я буду счастлив, если она проживет жизнь в спокойствии и чистоте. — Он добавил, что, видимо, совсем постарел, раз стал таким осторожным.

Чжэн Ютин прекрасно понял смысл его слов. Старик доверял ему, но использовал внучку как поводок.

Фэн Ао мог догадаться о действиях дома Чжоу, но не предвидел результата. Поэтому, когда Чжоу-третий нагрянул к нему, он был удивлен.

Чжоу-третий пригласил его выпить, за столом был и секретарь Фан.

Чжоу-третий верил в тактику опережения: если человек представляет интерес, его нужно держать на виду. Он не собирался плясать под дудку Фэн Ао, но немного выгоды — почему бы и нет? Он был уверен, что Фэн Ао никуда не денется с его ладони.

Они автоматически включили Фэн Ао в свой лагерь.

Фэн Ао встретили с огромным радушием в той же чайной, где он часто бывал с секретарем Фаном. Только на этот раз, помимо дорогого чая, на столе стояло вино, приготовленное специально для него.

— Я старше тебя на два года, надеюсь, ты не против, если я буду называть тебя младшим братом Чжэном? — сказал Чжоу-третий.

<http://bllate.org/book/22486/2370847>